

Розенфельд А. З., Колесников А. И. Материалы по эпиграфике Памира // Эпиграфика Востока. М., 1975. Вып. 23.

Россия и Бухарский эмират на западном Памире. М., 1975.

Чунакова О. М., Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden; N.Y.; Köln, 1989.

Encyclopedia Iranica. CD-ROM Edition

Illiev A. The Isma'ili-Sufi Sage of Pamir: Mubarak-i Wakhani and the Esoteric Tradition of the Pamiri Muslims. N.Y., 2008.

В.А. Прищепова

КОЛЛЕКЦИОННЫЕ И АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ Г.Г. ГУЛЬБИНА ПО ЖИЛИЩУ ТАДЖИКОВ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА ИЗ СОБРАНИЙ МАЭ

Данное сообщение представляет собой результат изучения полевых материалов Григория Григорьевича Гульбина, который на протяжении полевых сезонов 1926–1927 гг. выезжал в Таджикистан в составе Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР [Прищепова 1995: 186–249]. Он участвовал в обследовании населения долины реки Зеравшан по приглашению руководителя этнологической секции экспедиции крупнейшего ираниста Ивана Ивановича Зарубина.

В 1926–1927 гг. Г.Г. Гульбин привез из поездки для МАЭ предметные, собранные в Фальгаре (колл. 3339, более 400 ед. хр.), и фотографические коллекции (черно-белые снимки) (колл. 3488 — 28 ед.хр., колл. 3489 — 209, колл. 3556 — 199, колл. 3557 — 248). Каждый кадр собиратель сопровождал кратким описанием, которое чаще всего не раскрывает в полной мере содержание кадров. Дополнением к коллекциям являются экспедиционные отчеты, зарисовки и чертежи Г.Г. Гульбина.

К сожалению, большая часть этнографического материала, собранного участниками экспедиции, в частности Г.Г. Гульбиным, долгие годы оставалась неопубликованной. В процессе работы с экспедиционными отчетами исследователя бросаются в глаза пометки красным

и черным карандашами на полях его рукописей, сделанные, возможно, в 1950-е годы (а может быть, и в довоенное время). Однако в работах участников экспедиций, которые выезжали в эти же районы позднее, отсутствовали сноска на материалы Г.Г. Гульбина. Вероятнее всего, его полевые записи читал И.И. Зарубин при подготовке к публикации статьи о работе в Таджикистане летом 1926 г. [Зарубин 1927: 351–360].

Предание забвению трудов Г.Г. Гульбина, а затем вовсе его имени можно объяснить тем, что после работы экспедиции И.И. Зарубина фамилия этого сотрудника музея исчезла со страниц отчетов МАЭ — после его первого ареста в 1930 г. по «делу Академии наук» (по подозрению в антисоветской деятельности). Затем последовал второй арест, в октябре 1941 г. Точная дата смерти Г.Г. Гульбина неизвестна. Предположительно, он погиб в первые месяцы блокады во время бомбежки Ленинграда, когда находился в известной тюрьме «Кресты».

В 1926 г. основные работы экспедиции велись в верховьях Зеравшана с июля по октябрь. Верхний Зеравшан подразделяется на ряд районов. Самая верхняя часть долины называлась Матча, ниже Матчи — Фальгар. Ниже Фальгара, по течению реки Зеравшан (на левом берегу), начинался Пенджикентский район.

Судя по одной из фотоколлекций Г.Г. Гульбина 1926 г., выполненной в Ташкенте, город был начальной точкой маршрута экспедиции. Собрание негативов, привезенных из Ташкента, включало в себя сюжеты, связанные в основном с домашним бытом и одеждой узбеков. И лишь несколько снимков были по таджикам: образцы керамических сосудов ходжентской работы из коллекции востоковеда М.С. Андреева (колл. 3488). На основании этих материалов можно сделать вывод о том, что выдающийся ученый был знаком с участниками поездки и, возможно, помогал им в установлении необходимых в дальнейшей работе связей со среднеазиатскими исследователями и администрацией.

В отчете о работе летом 1926 г. И.И. Зарубин отмечал постоянное содействие местных учреждений, общественных деятелей и научных сотрудников, с которыми вступала в контакты экспедиция [Отчет... 1927]. Прежде всего, это относилось к Андрею Александровичу Знаменскому, уполномоченному Народного комиссариата иностранных дел по Средней Азии и председателю «Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», и Нисару Мухаммеду, заместителю постоянного представителя Таджикистана в Ташкенте, который занимался вопросами просвещения и науки. Н. Мухаммед принимал столь горячее участие в делах экспедиции, что, по мнению И.И. Зарубина, мог считаться ее фактическим сотрудником. Например,

Н. Мухаммед совершил предварительную поездку в Пенджикент для организации экспедиции, снабжения ее транспортом и воинской охраной, а также сопровождал ее по Фальгарской и Искандеровской волостям.

Обращаясь к полевым материалам участников первых советских экспедиций в Среднюю Азию 1920–1930-х годов, нельзя забывать о том, что их работа протекала в сложных и даже опасных условиях, отряды исследователей сопровождала воинская охрана. Сотрудники И.И. Зарубина в своих отчетах отмечали, что коллекции для музея было приобретать очень трудно. Приходилось прибегать к обмену, в том числе и для получения продуктов питания для членов экспедиции. Отдавали при этом не только мелкие товары ширпотреба, но и предметы из обменного фонда МАЭ. Перед экспедицией И.И. Зарубину для этой цели музейный совет выделил двести семьдесят кусков и отрезков бухарских шелковых и полушелковых кустарных тканей из коллекций, подаренных эмиром Николаю II, «для приобретения взамен их этнографических предметов» [СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1–1926. Д. 2. Л. 51]; см. также (МАЭ. колл. 2917–2920, 2935, 2936).

В 1926 г. после Ташкента исследователи продолжили путь в Самарканд, откуда отправились в Пенджикент, дальше по верхнему течению реки в Фальгар, Матчу и Ура-Тюбе. Научный сотрудник экспедиции Г.Г. Гульбин должен был заниматься изучением материальной культуры, некоторыми ремеслами, собирать вещевые коллекции, фотографировать и зарисовывать. Главной задачей его было знакомство с типом местного жилища.

К настоящему времени вышли многочисленные публикации, посвященные народному зодчеству населения Средней Азии, в том числе таджиков Верхнего Зеравшана. В них охарактеризованы сведения о жилых постройках, выделены локальные особенности северотаджикского и южнотаджикского жилища, разработаны теоретические основы типологизации этого объекта материальной культуры (В.А. Воронина, В.А. Лавров, А.С. Давыдов, Н.А. Кисляков, О.И. Смирнова, А.К. Писарчик и др.).

До Среднеазиатской этнологической экспедиции в литературе отсутствовали работы по традиционным постройкам Верхнего Зеравшана. Лишь в 1926–1927 гг. впервые началось плановое изучение традиционной культуры ираноязычного населения отдельных районов. Экспедиция, работа которой планировалась на несколько лет, ставила своей целью дать исчерпывающую картину жизни населения Таджикистана. И.И. Зарубин считал изучение типа народного жилища одним из важных источников для разработки многих проблем истории и этнографии северных таджиков долины реки Зеравшан. Немаловажным фактором

успешной деятельности сотрудников И.И. Зарубина было то, что все они были специалистами-востоковедами. Г.Г. Гульбин по образованию был тюркологом, окончил в 1916 г. факультет восточных языков Петроградского университета. С 1925 по 1930 гг. он работал в МАЭ.

Состав и тематические сюжеты фотографий Г.Г. Гульбина 1926–1927 гг. достаточно полно иллюстрируют разные стороны жизни таджиков. В его фотоколлекции входят портреты и типажи местных жителей. На снимках представлены одежда мужчин, женщин и детей, жилище, хозяйственные постройки, культовые объекты (мазары, мечеть), быт, утварь, занятия населения, средства передвижения, орудия труда.

Несмотря на то что территория Средней Азии представляла собой единую историко-культурную область, Г.Г. Гульбин выделял местные особенности, в частности в жилище, присущие оседлым земледельцам таджикам, которые проживали в этом районе. В материалах исследователя нашли отражение старинные формы жилища, бытовавшие в конце XIX — начале XX в. до периода коллективизации, когда изменился облик домов, строительный материал, техника постройки.

В полевых наблюдениях Г.Г. Гульбин пользовался основными принципами характеристики жилища, разработанными руководителем экспедиции И.И. Зарубиным. Опыт исследования этой стороны традиционной культуры участниками Среднеазиатской экспедиции позже учитывался при подготовке «Историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана» [Васильева, Махова 1961: 123].

По мнению Г.Г. Гульбина, «кратковременность пребывания и хлопоты по приготовлению к дальнейшему продвижению заставили ограничиться довольно беглым обследованием г. Пенджикента» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 1]. Между тем его неопубликованные полевые материалы содержали ценную информацию по традиционному жилищу. Часть наблюдений исследователя подтвердилось более поздними сведениями участниками экспедиций 1940–1960-х годов. Но многое из его описаний (особенно фотографии, чертежи и зарисовки) остается оригинальным научным источником.

Изучение жилища верхнего течения реки Зеравшан Г.Г. Гульбин в 1926 г. начал с определения месторасположения кишлаков, планировки улиц и построек, размещавшихся «соответственно физическому строению почвы, благодаря чему подчас и наблюдаются селения, спускающиеся в виде ряда уступов», видя в этом влияние природно-климатических особенностей [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 1].

Огромной ценностью обладают снимки 1926 г., на которых Г.Г. Гульбин запечатлел панораму части Пенджикента, виды кишлака Урмитан

в Фальгаре, пейзажи улиц с постройками старого образца (в Урмитане с домами, расположенными ярусами), поскольку большинство примеров народной архитектуры тех лет не дошли до наших дней (МАЭ, колл. 3489).

Почти полностью утраченными оказались не только дома старого образца постройки, но и сами технологии их производства. Г.Г. Гульбин обращал внимание на материалы и технику строительства. Характерной особенностью строительной техники 1920-х годов являлось использование местных материалов, необожженного кирпича (*хишт*), дерева (в Пенджикенте и Фальгаре) и камня (в Матче) в качестве основного материала. Для постройки каркасов, колонн и балок чаще всего использовали тополь, для дверей — арчу (бурс в Матче). В более позднее время для постройки таджики начали использовать фабричный кирпич, что повлияло на облик кишлаков.

По сведениям Г.Г. Гульбина, материалом для фундамента (*такурси*) построек служили крупные камни. Их скрепляли между собой раствором — *лой*, который состоял из глинистой почвы, добывавшейся недалеко от места строительства, смешанной с водой. Раствор клали толстым слоем между камнями.

Сохранились полевые зарисовки Г.Г. Гульбина, на которых показано два вида кладки камней. На одном изображении способ кладки *хишта* (Пенджикент, Фальгар, кишлак Урмитан): камни уложены горизонтально. Исследователь отмечал, что такая техника использовалась для домов. На втором рисунке (кишлак Урмитан в Фальгаре и кишлаки Демирнор и Пальдорак в Матче) камни расположены ребром с наклоном рядами то в одну сторону, то в другую [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 220. Л. 6]. Г.Г. Гульбин отмечал, что такую кладку устраивали для сооружения заборов. Если делали деревянный каркас стен, то балки, лежащие внизу (*таксинч*), рубили «в замок» или накладывали друг на друга.

В 1926 г. Г.Г. Гульбин встречал водосточные трубы местной конструкции (довольно редко). Внешне они напоминали деревянные корыта, вытесанные из нетолстого ствола, разрубленного пополам. Редкость использования этого элемента жилища исследователь объяснял дороговизной дерева [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 4].

Нельзя не отметить полевые заметки, в которых Г.Г. Гульбин рассказывает о дверях. Исследователь выделил их в две группы — двустворчатые (в Пенджикенте и Фальгаре) и одностворчатые (в Матче). Большей частью двери изготавливали из тополя. Петли для дверей делали редко. Их заменяли выступами в верхнем и нижнем углах двери, свободно вращавшимися в отверстиях дверной коробки. В домах старой постройки

сохранялись двери из досок, грубо обтесанных при помощи топора. В качестве дверных ручек использовались металлические накладки на висящей цепочке, укрепленной на двери. В Матче в качестве дверных ручек были распространены кожаные и шерстяные веревочные петли.

Отдельного внимания заслуживает описание Г.Г. Гульбиным устройства деревянных замков, которые он встречал в удаленных от города местностях. Такой замок представлял собой массивный квадрат из арчи, тута с отверстием такой же формы, «в котором ходит подвижной клин». Отпирали и запирали замок при помощи плоского ключа, изготовленного из арчи или рога, «выступы которого соответствуют вырезам, где движутся запорные зубцы». Устанавливали замок на дверной коробке, изнутри дома.

«Довольно широкое отверстие, сделанное в стене дома, позволяет свободно запустить руку для отпираания и запираания замка», — объяснял в своем отчете Г.Г. Гульбин. [АМАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 8].

Делали такие замки специальные мастера *чубтерои*. Г.Г. Гульбин отмечал, что найти такого мастера было непросто, замки стоили дорого, по тем временам — полтора-два рубля.

Описание Г.Г. Гульбиным деревянной оконной рамы *дарча* переносит почти на сто лет назад. Верхняя часть рам могла быть украшена выпиленным рисунком, а нижнюю заклеивали белой бумагой вместо стекла. (Рамы со стеклами попадались, но, как замечал Г.Г. Гульбин, «очень и очень редко».) С помощью такой рамы решался вопрос освещения помещений при отсутствии окон. Их заменяли проломы в верхней части стен или крыше (Матча) или проемы рядом с дверьми (Пенджикент, Фальгар). В холодное время года днем раму вставляли в дверную коробку широко раскрытых дверей. Вечером раму снимали и двери закрывали. В Пенджикенте оконные проемы могли закрывать деревянными ставнями с внешней стороны. Но тогда их делали высоко от земли.

В описаниях расположения жилищ и хозяйственных построек, расположенных около него, Г.Г. Гульбин оговаривал, что между крайними пунктами исследованного района в этом вопросе существует громадная разница. Так, в Пенджикенте территория усадьбы делилась на две части и всегда была разделена высокой глиняной стеной. Кроме конюшен и помещений для рогатого скота, овец и ишаков, устраивали сарайчики для верховых животных приезжающих гостей. Около жилища располагались сараи для дров, сена, соломы и уборные (в виде небольшой, от-

крытой с одной стороны постройки без крыши, с отверстием в земляном полу, края которого обкладывали камнями или кирпичами). В Фальгаре уборные зачастую отсутствовали; если были, то в виде продолговатого возвышения, с отверстием в верхней части. Согласно полевым записям в Матче Г.Г. Гульбин уборных не встречал.

В своей полевой работе большое внимание Г.Г. Гульбин уделял изучению расположения и устройству очагов в доме, а также типам труб и дымоходов. На фотографиях 1926 г. изображения разных видов очагов, для варки пищи и печения лепешек (МАЭ. Колл. 3489–10: «Танур, глиняный очаг»).

Г.Г. Гульбин внимательно ознакомился с конструкцией отопительной системы помещений, в частности с разновидностями очагов *оштон* с дымовым колпаком Пенджекента, Фальгара и Матчи, о чем свидетельствуют его записи, зарисовки и фотоснимки (МАЭ. Колл. 3489–12: «Очаги с дымалями в кухне таджикского дома»).

Согласно материалам исследователя дымари различались по внешнему виду. Так, дымоход *мури* в Пенджекенте и Фальгаре имел три стенки, в Матче же передняя стенка отсутствовала. Г.Г. Гульбин отмечал, что по большей части под одним дымоходом устанавливали два оштона (большой для варки пищи, поменьше — для чая или разогрева еды). Иногда около оштона находилось три колышка *мех*, на которые ставили котел. Исследователь наблюдал, как иногда около большого оштона «где-нибудь в свободном углу можно видеть маленькие оштоны, устраиваемые детьми для игр» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 19].

Г.Г. Гульбин как одну из особенностей жилища таджиков Верхнего Зеравшана отмечал, что дымоходы они делали прямыми, каминного типа и очень большие. На основании данных исследователя И.И. Зарубин в своем отчете о работе экспедиции в сезон 1926 г. утверждал, что трубы являются характерным внешним признаком зеравшанского жилища [Зарубин 1927: 355].

В полевых описаниях и на фотографиях Г.Г. Гульбина зафиксированы дымовые трубы самой разнообразной формы. Он отмечал, что наиболее часто встречались мури в виде усеченного конуса. Этот вид труб считался наиболее типичным, они сохранялись в старых домах. В жилищах новых построек исследователю встречались трубы смешанных типов. Нередко попадались цилиндрические. Они бывали открытыми сверху. В таком случае верхушку трубы удлиняли и загибали, оставляя небольшие отверстия для выхода дыма. Цилиндрические мури могли иметь наверху сводчатое крестообразное перекрытие для защиты от снега, дождя и ветра.

В третий вид дымовых труб Г.Г. Гульбин выделил (как наиболее редкие) квадратные, сверху глухие, но имевшие сверху по бокам узкие полукруглые выходы для дыма. Еще реже попадались трубы в виде усеченной пирамиды.

«Очень редко встречается прямоугольная труба, которая оканчивается глухой крышей, покатою от центра к краям. Наверху трубы в каждой из сторон проделаны небольшие прямоугольные отверстия для выхода дыма» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 219. Л. 20].

В Пенджикенте Г.Г. Гульбин отметил еще один вид труб, который встречался в кухнях, построенных отдельно, в глубине двора. По форме они напоминали длинный прямоугольник, горизонтально вытянутый, с закрытым верхом, но в верхней части боковых стенок у них был проделан ряд отверстий для выхода дыма.

Хозяйственные постройки, хлева, конюшни также имели вытяжные трубы конической формы. Ни по устройству, ни по названию они не отличались от дымовых, которые устанавливали в жилищах.

В 1927 г. экспедиция продолжила детальное обследование таджикского населения верховьев Зеравшана. В области изучения материальной культуры максимальное внимание вновь было обращено на типы жилища и хозяйственных построек. Материалы об этом собирал главным образом Г.Г. Гульбин среди населения Искандеровской волости.

Достаточно полное представление о предмете исследования Г.Г. Гульбина дают его снимки, которые дополняет экспедиционный отчет исследователя (МАЭ. Колл. 3557). На кадрах показан уступчатый способ расположения кишлаков, улицы представляли собой «запутанные узкие коридоры, огражденные стенами домов, иногда очень низких, подчас упирающиеся в ворота чьего-нибудь дома» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 221. Л. 3].

Фото и архивные материалы Г.Г. Гульбина содержат сведения о внешнем виде местных построек, технические подробности строительства. Отдельные разделы иллюстративной коллекции и рукописи посвящены крытым террасам *айванам*, изучению их вариантов, назначению отдельных частей жилого дома. В 1927 г. Г.Г. Гульбин продолжил изучение традиционных очагов.

Летом 1927 г. стационарная работа экспедиции велась в кишлаке Шурмашк на р. Пасруд, откуда участники поездки выезжали по району в расположенные поблизости населенные пункты.

Г.Г. Гульбин обратил внимание на то, что начиная с кишлаков по Искандердарье и Сарытачу очаг начинал увеличиваться в размерах, занимая иногда значительное пространство в доме. Ученый также отметил, что отсутствовало строгое местоположение очага. Он мог находиться в жилом помещении то справа от двери, то слева. В районе работ Г.Г. Гульбин заметил несколько типов очагов. Как и летом 1926 г., наиболее часто встречался очаг в виде усеченного конуса. «Затруднения с топливом, заставляющие таджика экономить дрова, вызвали тип двойного очага» [АМАЭ. Ф. К. I. Оп. 2. № 221. Л. 10]. Исходя из своих наблюдений автор выделил два варианта двойного очага.

Полевые материалы Г.Г. Гульбина затрагивают многие стороны традиционного быта таджиков Верхнего Зеравшана. Его метод исследования можно назвать комплексным. Он включает не только сбор вещевых коллекций, фотофиксацию, но и детальные описания наблюдений, графические документы и потому заслуживает дальнейшего глубокого изучения и публикации.

Несмотря на отсутствие печатных работ Г.Г. Гульбина по экспедиционным материалам, имя его как собирателя коллекций стоит в одном ряду с другими профессиональными этнографами, активно пополнявшими фонды музея по народам Средней Азии и Казахстана. В наши дни его отчеты о поездках, выполненные им наброски, чертежи, фотографии, вещевые коллекции, собранные в полевых условиях почти девяносто лет тому назад, представляют собой важный материал, отражающий культурно-историческое наследие народов Таджикистана.

Библиография

Васильева Г.П., Г.П. Махова Г.П. Программа сбора материала по жилищам сельского населения Средней Азии и Казахстана для историко-этнографического атласа // Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. Тр. Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. XLVIII. М.; Л., 1961.

Зарубин И.И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. // Изв. АН СССР. 6 сер. М.; Л., 1927. № 5–6. С. 351–360.

Отчет о деятельности Академии наук СССР за 1926 г. II // Отчет о научных командировках и экспедициях. Л., 1927.

Прищепова В.А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: Материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995. С. 186–249.

«обличительной этнографии». И эта кампания закончилась столь же стремительно, как и началась, оставив нам своеобразное свидетельство религиозной жизни этой северокавказской республики.

10 ноября 1954 г. ЦК КПСС выносит постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения», в котором заявляет: «ЦК КПСС располагает фактами, свидетельствующими о том, что за последнее время в научно-атеистической пропаганде среди населения в ряде мест допускаются грубые ошибки. Вместо развертывания систематической, кропотливой работы по пропаганде естественных знаний и идейной борьбы с религией в отдельных центральных и местных газетах, а также в выступлениях некоторых лекторов и докладчиков допускаются оскорбительные выпады против духовенства и верующих, отправляющих религиозные обряды» и т.д.

14 ноября это постановление публикуется в «Социалистической Осетии», и на несколько лет тема борьбы с религиозными пережитками для редакции газеты снова становится неактуальной.

Библиография

Васильева О. Государственно-церковные отношения хрущевского периода // Vittorio. Международный научный сборник, посвященный 75-летию Витторио Страды. М. 2005.

***

¹ СО, 13 июня 1954. По-видимому, информация о готовящемся постановлении распространялась заранее. Еще в марте отделами пропаганды и науки совместно была подготовлена записка на имя Хрущева «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде» (Васильева 2005: 290).

² СО, 11 августа 1954

³ Цаголов В. Свет науки против тьмы религии. В Алагирском районе слабо ведется научно-атеистическая пропаганда // СО, 26 октября 1954.

Прищепова В.А.

ИЗЖИВАНИЕ РЕЛИГИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН-МУСУЛЬМАНОК СРЕДНЕЙ АЗИИ В ФОТОМАТЕРИАЛАХ 1920-1930 ГГ.

Ряд фотографий из собраний МАЭ 1920 — 1930-х гг. посвящен одному из главных в политике советского государства вопросу — «женскому». На различное положение мужчин и женщин в восточном об-

ществе всегда обращали внимание европейские наблюдатели. Однако изменить за короткий срок, без учета специфических особенностей в культуре населения экономический и социальный статус женщины, ориентированной на религиозные обычаи, вызвать у мусульманки протест против тысячелетних традиций во внутрисемейных отношениях, вовлечь ее в общественно-политические процессы и в производство было очень сложно.

С первых лет после 1917 г. советская власть приступила к жесткой модернизации среднеазиатского общества. В связи с возросшими производственными потребностями, понадобилось увеличение количества рабочей силы. Это, в свою очередь, сделало необходимым принудительное вовлечение женщин в трудовую деятельность. По образному выражению социолога И. Тартаковской, разница между эмансипацией на Западе и Востоке состояла в том, что в первом случае она досталась в результате упорной борьбы, а во втором равенство прав давалось «в нагрузку» к социальным переменам (Тартаковская 1997: 104).

Политика по активизации женщин реализовывалась посредством создания первых правовых норм, которые формально обеспечивали равноправие мужчин и женщин. Для практического осуществления этой задачи при городских и районных партийных комитетах были организованы женские отделы (советы). В города и кишлаки Средней Азии направляли русских коммунисток, знакомых с местными традициями, которые агитацией вовлекали узбечек, таджичек, туркменок в общественную жизнь, объясняя им, что главным условием начала новой жизни является их участие в общественно-производительном труде. Эти исторические перемены отражены в материалах фотоколлекций МАЭ.

На групповом снимке 1923 г. «Первый женский съезд» узбечки привычно кутаются в большие платки, хотя лица их открыты (МАЭ. Колл. И-1906-103). Одной из форм организации работы среди женщин было проведение делегатских собраний, конференций и съездов, на которых обсуждались вопросы повседневности, ликвидации неграмотности, уничтожения обычая ношения *паранджи*. На многих экспедиционных снимках 1920–1930-х гг., на которых зафиксировано проведение политических праздников, нельзя не заметить их организаторов — мужчин в шинелях, либо присутствие в толпе местных женщин русских активисток.

Одним из первых воспитательных мероприятий по вовлечению женщин в общественную жизнь было открытие специальных женских школ или курсов ликбезов. Для заинтересованности женщин государство оказывало им некоторую социальную помощь в виде различных льгот. Ликбезы сначала действовали в городах, в 1923–1924 гг. их стали организовывать в кишлаках и аулах.

На снимке «Колхозная школа в колхозе “Кзыл-Амач” за длинным столом, склонившись над учебниками, сидят молодые женщины (МАЭ.

Колл. И-1906-114). Они в парандже темного цвета, но волосная сетка, закрывавшая лицо, откинута вверх. Лица женщин открыты, но смотрят они с испугом, осторожно выглядывая из-под паранджи. Женщины одеты в теплые халаты с длинными рукавами и в платки, которыми прикрывали нижнюю часть лица.

Особое значение в участии местных женщин в общественной жизни придавалось организации празднования 8 марта. Один из снимков называется «Президиум митинга, посвященного Международному женскому дню, в областном центре Памира г. Хорого. 1932 год» (МАЭ. Колл. И-1902-210). В 1920-е гг. отдаленный труднодоступный областной центр Хорог был кишлаком с двухтысячным населением, но и туда приезжали партийные работники, занимаясь агитацией и раздавая населению долгосрочные ссуды.

На фотографии женщины шугнанки в накинутых больших платках или покрывалах, в национальной одежде — широких и длинных платьях и халатах. Они держат транспарант с текстом арабской вязью и ниже по-русски «Да здравствует политико-экономическое и правовое раскрепощение женщин Востока». Реформирование арабской письменности и замена ее латинским алфавитом проводилась в регионе с конца 1920-х гг. Однако, фотодокументальные данные показывают, что в начале 1930 — гг. в шугнанском языке сохранялась арабская письменность.

В фондах МАЭ хранится еще одна фотография, сделанная в то же время, «Праздник 8 марта. Группа памирских женщин на митинге в областном центре — Хорого. 1932 г.». Внизу под снимком указано еще одно его название: «8-е марта на “Крыше Мира” / Памир» (МАЭ. Колл. И-1902-207). На фотокадре изображена многочисленная группа шугнанок. Высоко над ними установлен тот же транспарант, присутствуют те же активистки, что и на предыдущем снимке.

Эти фотографии были сделаны на Памире, где женщины никогда не закрывали лица в отличие от женщин оседлого населения и по сравнению с ними были более свободны в поведении. В музее хранится снимок 1935 г., на котором таджички Сталинабада участвуют в демонстрации по случаю очередной годовщины революции 1917 г. (МАЭ. Колл. И-1902-208).

В руках у них транспаранты с текстом латиницей на таджикском языке и по-русски «Привет вождю — Тов. Сталину», знамена, портреты руководителей государства. В первых рядах стоят женщины, за ними — мужчины. По всей видимости, их собрали на демонстрацию устроители мероприятия, которые на снимке выделяются европейской одеждой. Участники праздника на фотографии получились серьезными, непонимающими происходящего.

Фотокадр «Работницы шелкомотальной фабрики на демонстрации 1-го мая. г. Сталинабад, 1936 г.» зафиксировал женщин, человек двадцать, с плакатом-растяжкой с приветствием на двух языках.

Празднование 8 марта, которому предшествовали собрания местных женщин, организованные приезжими коммунистками, особенно активно проходило в 1920-е гг. На протяжении нескольких лет в этот день среди местных женщин устраивали сбрасывание и сжигание *паранджи*. Подготовка к массовому срыванию этой уличной головной накладки велась движением за женское равноправие в течение десяти лет. С 1927 г., пропаганду и агитацию за окончательное уничтожение *паранджи* проводили под лозунгом «*худжума*» — наступления на старый быт. В 1927–1928 гг. в Бухарской, Ферганской и других областях прошли митинги, организованные женсоветами, на которых сжигали все виды женских покрывал. Такое административное решение «женского вопроса» вызвало резкую реакцию в мусульманском обществе вплоть до убийства нескольких тысяч женщин.

В фондах МАЭ хранятся фотографии этих лет участников басмаческого движения и сценки торжественных похорон местных активистов, убитых классовыми врагами (МАЭ. Колл. 4527 — 164–168). В результате трагических последствий многие женщины были напуганы и вновь надели *паранджу* (Горшунова 2006: 52–54), что отражено на фотографиях конца 1930-е гг.

На снимке 1932 г. на многолюдной площади Ленинабада (Ходжента) раскинулся базар, на котором в ряд сидят несколько женщин в *парандже* (МАЭ. Колл. И-1902–94). В середине кадра находится группа мужчин, среди них одна женщина в этом уличном костюме. Со спины видны ложные рукава одежды. На фотографии 1937 г., сделанной в г. Ош, показан узбекский клуб, устроенный в старом городе из помещения бывшей мечети, около которого находятся мужчины в национальных костюмах и женщина в *парандже* (МАЭ. Колл. И-1903–176). На снимках 1931 г. женщины в этой накидке посещают мазар Ходжа Абды Дарон (МАЭ. Колл. 4527–173–175, 179).

Фотоматериалы 1930-х гг. показывают, что в этот период времени в некоторых районах Средней Азии местные женщины вернулись к ношению *паранджи*. Период возвращения к использованию этой части женского национального костюма был недолгим. Процесс эмансипации женщин заметно ускорился с началом Второй Мировой войны, когда женщинам пришлось заменить в производственной сфере мужчин, ушедших на фронт. Однако, в музейных коллекциях документально зафиксирован факт как бы обратного хода истории, когда хоть и на короткий промежуток времени женщины оседлого населения вновь стали носить *паранджу*.

Библиография

Горшунова О. В. Узбекская женщина. Социальный статус, семья, религия. М. 2006.

Тартаковская И. Социология пола и семьи. Самара. 1997.

ПЕРВЫЕ КОЛЛЕКЦИИ МАЭ ПО ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (конец XIX — начало XX в.)

Немногочисленные предметы, связанные с религиозными представлениями народов Средней Азии и Казахстана, стали поступать в МАЭ в составе первых этнографических коллекций в конце XIX — начале XX в.

В 1895–1899 гг. архитектор Николай Николаевич Щербина-Крамаренко побывал в командировках по Средней Азии. Из Самарканда он привез и передал в музей в 1909 г. редкий комплект одежды среднеазиатского духовенства, названный собирателем как костюм дервиша с принадлежностями (МАЭ. Колл. 1487). В некоторых случаях предметные коллекции поступали от коллекционеров вместе с фотоколлекциями, которые дополняли вещевые. Так, Н.Н. Щербина-Крамаренко кроме вещевой коллекции одновременно подарил музею и фотографию самаркандского дервиша (МАЭ. Колл. 1487). На основании изучения коллекции Н.Н. Щербина-Крамаренко Р.Я. Рассудова пришла к выводу, что данный комплект одежды и атрибуты к нему не являются предметами костюма вообще дервишей или рядовых каландаров: вещи коллекции были изготовлены для главы одного из суфийских орденов [Рассудова 1989: 17].

С более раннего времени в музее хранилась коллекция, в которую вошли вещи, зарегистрированные как принадлежности среднеазиатского дервиша (МАЭ. Колл. 946). Согласно первоначальной описи, составленной в 1905 г. Бруно Адлером, уже тогда эти вещи считались предметами «из старых коллекций». Происхождение их было неизвестно, как неизвестны были имя собирателя, способ приобретения, время и народ. Первый регистратор коллекции предположил, что местом сбора коллекции была Средняя Азия, а в графе «Состав коллекции» обозначил: «Археологические предметы». В эту коллекцию вошло четыре предмета: два браслета, на которые кроме бусин нанизаны бляшки с изображением кисти и арабской надписью, каменная, гладко отполированная бляха в виде плоского кольца и деревянные четки.

Собирателями первых коллекций были представители разных профессий, в том числе чиновники местной администрации. Так, в 1898 г. фонды МАЭ пополнились крупными собраниями экспонатов благодаря помощи одного из корреспондентов музея начальника Лепсинского уезда Семиреченской области Константина Николаевича де-Лазари. Среди его коллекций были предметы, связанные с исламской культурой казахов: четки, молитвенный коврик, свечи, амулеты, посох проповедника и кобыз (МАЭ. Колл. 411–8; 410–16; 411–9, 10, 11, 21).

Мусульманские четки и молитвенный коврик являются общеперсидскими ритуальными предметами. Включив их в состав казахской коллекции, собиратель лишний раз подчеркнул приверженность изучаемого народа этой религии. Однако наряду с официальным исламом у казахов сохранялось шаманство, обряды которого нередко в прошлом сопровождала музыка.

Казахский кобыз — смычковый музыкальный инструмент с двумя струнами из конских волос (МАЭ. Колл. 411). В верхней части внутренней поверхности резонирующей чаши с помощью колец прикреплены металлические подвески разной формы. Лопатообразная головка инструмента с лицевой стороны также

украшена металлическими подвесками, которые были одним из обрядовых атрибутов шамана. Отличие кобыза, на котором аккомпанировали себе исполнители казахского героического эпоса, от шаманского инструмента состояло в наличии подобных металлических подвесок. Кобыз такого типа относят к большим шаманским инструментам [Казгулов, Шаханова 1989]. Кобыз из коллекции МАЭ был «действующим». О его длительном использовании говорят следы потертостей на поверхности инструмента.

Шаманский кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари похож на инструмент, изображенный на снимке 1894 г. Н. Ордэ «Музыкант-казах» из иллюстративного фонда МАЭ (МАЭ. Колл. 255–67). По случайному совпадению кобыз из коллекции К.Н. де-Лазари и со снимка Н. Ордэ происходят из одного и того же района Казахстана, Семиречья.

Кобыз из коллекции МАЭ позволяет изучить этот главный ритуальный инструмент шаманского камлания казахов (с середины XIX в. в отдельных районах его стали заменять домброй, на которой было легче играть). Некоторые баксы с конца XIX — начала XX в. начали вообще обходиться без музыкального сопровождения. Снимок Н. Ордэ показывает, как кобыз держали в руках, видна постановка инструмента, манера игры. Казахские шаманы (баксы) нередко славились как музыканты-виртуозы, поэтому в названии фотографии подчеркнуто именно исполнительское мастерство кобузчи — «Музыкант-казах». У казахских шаманов, как и у других среднеазиатских народов, не сохранилось обрядовое одеяние [Басилов, Кармышева 1997: 52], что и отражает снимок «Музыкант-казах». Его костюм на снимке состоит из белой чалмы, традиционного халата и кожаных сапог на каблуке.

Фотокадр из коллекции Н. Ордэ «Шаманка» имеет второе название «Казашка-танцовщица. Семиречье» (МАЭ. Колл. 255–66). На нем показана танцующая женщина. Она одета в повседневную одежду замужней женщины — в белый кимешек, цветной старинного покроя халат, подпоясанный широким кушаком, и мягкие кожаные сапоги. В руках у нее бубен.

Литературные описания содержат, главным образом, сведения о том, что в XIX — начале XX в. шаманами у казахов были в основном мужчины. Фактически отсутствуют данные о женском шаманизме [Басилов 1975: 116]. Поэтому редкий снимок Н. Ордэ, иллюстрирующий эти немногочисленные материалы, подтверждает существование шаманок и представляет интерес для этнографов. Как правило, инструментами шамана у казахов являются кобыз или домбра и очень редко — бубен, который у многих других народов был непременным ритуальным музыкальным инструментом.

Сведения об использовании в шаманской практике казахов бубна фактически отсутствуют: «Имеется несколько сообщений о том, что отдельные казахские шаманы обладали бубном, но достоверность этих известий по большей части сомнительна» [Басилов, Кармышева 1997: 53]. Тем большее документальное значение приобретает рассматриваемый снимок. По фотографии Н. Ордэ мы можем себе представить такую особенность религиозной жизни казахов конца XIX в., как существование шаманок и использование во время обрядовых действий бубна.

В коллекции К.Н. де-Лазари хранится деревянный посох «асай-мусай», с которым ходили по казахским степям проповедники (МАЭ. Колл. 411–11). По

всей видимости, имелся в виду жезл казахского странствующего дуана, разновидности среднеазиатского бродячего дервиша. По своим функциям его нередко сравнивали с шаманом. Дуана имел посох «аса», на котором, как и на жезле из коллекции К.Н. де-Лазари, могли быть прикреплены небольшие железные колечки с подвесками, магические предметы, с помощью которых он совершал обрядовые действия.

Из коллекционных предметов, относящихся к религиозным представлениям народов региона, в музее хранится собрание амулетов, в том числе детских украшений (браслеты, ожерелья, серьги и т.д.), предохранявших, согласно традиционным верованиям, от болезней и сглаза, по памирским народам и туркменам. Они получены от И.И. Зарубина и И.Н. Глушкова (МАЭ. Колл. 2352–1; 1485–2, 3 (2), 4 (2), 5, 6; 2674–178 аб–180).

От Ивана Николаевича Глушкова в МАЭ поступила коллекция серебряных украшений и фотографии к ним, собранные на полуострове Челекен в 1909 г. при посещении туркмен — йомудов (МАЭ. Колл. 1288). Вещевую коллекцию сопровождает рукопись собирателя, который стал первым исследователем туркменского ювелирного искусства.

На фотографиях туркменских девочек украшения видны на одежде, головных уборах в виде пришитых амулетов и брошей-застежек. Расшитые шапочки, наподобие тибетеек, носили дети обоего пола. Девочки, по замечанию И.Н. Глушкова, на такие шапочки надевали серебряное украшение в виде куполка, которое заканчивалось трубкой, в нее могли вставлять перья птиц в качестве оберегов.

Целый раздел рукописи И.Н. Глушков отвел описанию и классификации особых украшений — талисманов и оберегов, которые изготавливались туркменами в виде футляричков и коробочек, куда вкладывали молитвы, предохранявшие и излечивавшие болезни, сглаз.

Собиратель обратил внимание на то, что при всяком заболевании туркмены прежде всего обращались к ишану или муле. Затем, получив от них молитву и свернув ее, зашивали во что-нибудь и носили у больного места. Для МАЭ И.Н. Глушков сфотографировал два образца такой молитвы. Считалось, что особенно помогали молитвы, привозившиеся паломниками из Мекки. Дети носили такие молитвы, пришитые к шапочке. Некоторые молитвы начеканивались в серебряный листок, на котором тоже содержались слова молитвы. На одном из снимков показана такая начеканенная в серебро молитва, которая выглядела, с одной стороны, как талисман, а с другой — как украшение.

И.Н. Глушков сфотографировал и подарил МАЭ различные по форме амулеты — коробочки для хранения молитв с цепочками для ношения: прямоугольные, треугольные, круглые, многогранные, в виде трубочки. По сведениям собирателя, прямоугольные, например, носили через плечо, треугольные или в виде трубочки — на груди, круглые или многогранные обычно нашивали на плечо подростка (от дурного глаза).

В разные годы в музей поступили также гадальные кости, четки, предметы, которые оставляли на мазарах (рога животных, волосы, ветки с жертвенными тряпками и т.д.) (МАЭ. Колл. 779–2 аб; 2352–14; 2674–202, 203; 2677–4, 6, 2352–12, 13, 243), а также предметы, употреблявшиеся при обрезании и связанные со

свадебной обрядностью оседлого населения городов и памирских народов (МАЭ. Колл. 2674–183 аб; 2674–177).

Дальнейшее изучение музейных коллекций конца XIX — начала XX в. по исламской народной культуре кочевого и городского населения Средней Азии и Казахстана поможет ввести в научный оборот новый ценный источник историко-этнографической информации.

Библиография

Басилов В.Н. Традиции женского шаманства у казахов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975.

Басилов В.Н., Кармышева Дж.Х. Ислам у казахов. М. 1997.

Казгулов Б.А., Шаханова Н.Ж. Традиционный инструмент казахов кылкобыз // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. XLIII.

Рассудова Р.Я. К истории одежды среднеазиатского духовенства // Сб. МАЭ. Л., 1989. Т. XLIII.

Р.Р. Рахимов

СВЯТЫЕ В ПЕЩЕРЕ УСТАНОВИЛИ ОБИТЕЛЬ

У таджиков существуют многочисленные мифы и предания, повествующие о мусульманских святых (*хазрат*, *ходжа*), обителями которых служат гроты или пещеры часто в труднодоступных или вовсе не доступных горных скалах. Представленное сообщение преследует цель в сжатом изложении охарактеризовать мифологию небольшой группы пещер, являющихся ритуальными объектами в религиозной практике современных таджиков. Что касается поисков «ключа», т.е. попытки понимания смысла «выбора» святителями этих природных объектов для пребывания, то рассмотрение этого вопроса вследствие его сложности — задача будущих исследований. Привлекаются в основном полевые материалы автора. Оговорим и то, что на этом этапе нас интересуют не гроты и пещеры вообще как элементы ландшафта, а те из них, которые воспринимаются как обиталища реальных или мифических подвижников ислама, олицетворяющих собой покровителей истоков вод. В этом смысле анализируемый сюжет тяготеет к религиозно-экологическому рассмотрению.

Один из подобных культовых объектов связан с известной далеко за пределами Таджикистана усыпальницей *хазрата* Бурха на берегу Оби Мазор — одного из двух, наряду с Арзингом, притоков Хингоу. Слияние рек Хингоу (с многочисленными ее притоками) и Сурхоб образуют Вахш, которая, в свою очередь сливаясь с рекою Пяндж, дает начало одной из главных водных артерий Центральной Азии — Амударье, несущей воды Припамирья в Аральское море. Интерес к легенде о месте упокоения Бурха вызван тем, что ассоциирующаяся с ним пещера являет собой не реально существующий объект, а мифический. Я уже писал об этом *ривоате*-предании [Рахимов 2008: 67–68]. Там речь идет о том, что миф о пещере, ставшей обиталищем хазрата Бурха, становится и местом для сооружения его мавзолея в хаосе камней в горах Припамирья.